

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 930.1

Е. Л. Сараева

«Официальное мещанство» в борьбе с интеллигенцией (1825–1855): взгляд Иванова-Разумника

В статье анализируются идеи русского историка начала XX века Иванова-Разумника об официальной идеологии эпохи Николая I, политике по отношению к интеллигенции.

Ключевые слова: Иванов-Разумник, история России, интеллигенция, мещанство, эпоха Николая I, теория официальной народности, официальная идеология.

E. L. Saraeva

"Official Lower Middle Classes" in Struggle against Intelligentsia (1825–1855): Ivanov-Razumnik's Point of View

In the article are analyzed ideas of the Russian historian of the beginning of the XX century Ivanov-Razumnik about official ideology of the epoch of Nikolay I, policy towards intelligentsia.

Keywords: Ivanov-Razumnik, history of Russia, intelligentsia, lower middle classes, the epoch of Nikolay I, the theory of official nationality, official ideology.

Проблема взаимоотношений политической власти и интеллигенции – одна из тем самосознания культурной элиты и научных исследований ее жизнедеятельности. В пространстве современной интеллектуальной истории взаимоотношения между властью и интеллигенцией рассматриваются *не только как факт общественной жизни, но и как факт общественного сознания и фактор социокультурных изменений в обществе* [7, с. 1]. В процессе взаимодействия политических структур и интеллектуальных сообществ создаются элементы *смыслового пространства* – включение своих смыслов в смыслы других групп с целью влияния на их программы поведения, деятельности [1, с. 51]. Специалисты по истории русской интеллигенции неизменно включали в проблемное поле исследований тему отношений между государством и интеллигенцией в разные исторические эпохи. Эта традиция была заложена историками XIX–начала XX века. Иванов-Разумник, в отличие от многих, писавших об интеллигенции, проблему государственной политики по отношению к интеллигенции осветил не в общих чертах, а выделил ее в качестве самостоятельной исследовательской задачи.

Политика государства по отношению к интеллигенции являлась важнейшей составляющей исторического контекста ее деятельности, определявшей

границы свободы слова, творчества, специфику формирования коммуникативной системы, влиявшей на циркуляцию идей. Выявление зависимости условий и форм жизнедеятельности культурной элиты от политического режима – один из элементов проблемного поля истории интеллигенции.

Согласно концепции Иванова-Разумника, в эпоху Николая I (1825–1855) государство обратило внимание на появление в России группы независимо мыслящих интеллектуалов и определило свое отношение к ним, избрав политику ограничения их деятельности и даже физического уничтожения. Затем оно выработало меры идеологического воздействия на общество, создав свое смысловое пространство, элементы которого были обязательны для усвоения всеми верноподданными.

Николаевское государство «вырвало с корнем» интеллигенцию двадцатых годов, так оценил Иванов-Разумник расправу власти над декабристами – политически активной частью мыслящего меньшинства. По сути, он повторил мысль А. И. Герцена о последствиях репрессий: «Моровая полоса, идущая от 1825 до 1855 года, скоро совсем задвинется; человеческие следы, замеченные полицией, пропадут, и будущие поколения не раз остановятся в недоумении перед гладко убитым пустырем, отыскивая пропавшие пути мысли, которые *в сущности* не

прерывались» [3, с. 28]. Последствия репрессий Герцен ассоциировал с «гладко убитым пустырем», мысль в ту эпоху «переливалась проселочными тропинками». Иванов-Разумник сравнивал интеллигентов в последекабристские годы с «одинокими, сиротливо стоящими деревьями». Но с тридцатых годов творчество нового поколения интеллигенции наполнило собою содержание русской культуры [5, с. 188].

Власть противопоставила идеям интеллигенции «духовное мещанство», позднее (в 1870-е гг.) названное А. Н. Пыпиным «теорией официальной народности». Раскрывая содержание духовного мещанства, Иванов-Разумник выявлял несоответствие провозглашенных идей подлинным целям самодержавного государства. Емко и ясно Иванов-Разумник трактовал цель «теории официальной народности» как «полное подавление личности, провозглашение беспредельной власти государства» [5, с. 188]. Характеризуя отношение государства к личности, Иванов-Разумник выделил стремление власти к ограничению свободы творчества индивида. Он отметил, что, объявив вольнодумство недопустимым, правительство искореняло свободомыслие цензурой, установлением строгой дисциплины, шпионажем и поощрением доноительства. Высшими национальными добродетелями идеологи николаевского самодержавия объявляли «покорность, смирение, отсутствие личности, беспрекословное подчинение» [5, с. 189]. Резкая критика политики Николая I объяснялась неприемлемостью для Иванова-Разумника попрания права человека на свободу самовыражения. Николаю I не нужны были яркие самобытные личности. Политику императора по отношению к человеку Иванов-Разумник охарактеризовал как подавление индивидуальности. Воспроизводя мысль Николая I о цели просвещения («мне нужны не просвещенные, а верноподданные»), историк выделил главные представления монарха о добродетелях человека: «...гораздо выше просвещения, индивидуальности, даже гения стоит добрая нравственность, усердие и покорность...» [5, с. 189]. Основанием теории официальной народности стал «этический и социологический антииндивидуализм», утверждал Иванов-Разумник. Определяя тип мышления Николая I, его систему ценностей и взгляды на место человека в социально-политическом пространстве страны, историк трактовал их как не соответствовавшие духовным запросам свободной личности.

Поясняя свою оценку николаевского антииндивидуализма, историк, используя кантовский критерий понимания ценности человека, трактовал отношение государства к личности как «средству»: «...реальная личность признается средством, и только средством, и, подавляя человеческую инди-

видуальность, теория эта, никем на то не признанная, выдвигает на первый план индивидуальность народа» [5, с. 189]. Препятствуя деятельности интеллигентов, николаевское государство не признавало даже в теории за «абстрактным человеком» права и свободы. Объявляя народ значимым субъектом политики, власть реально отрицала его ценность, не считаясь с его интересами, а по сути, не стремилась вступить в диалог ни с «реальной личностью», ни с народом: «...эта государственная, бюрократическая теория с одинаковой ненавистью относится и к личности, и к обществу, и к реальной индивидуальности, и к Человеку с большой буквы» [5, с. 189]. Считаем, что Иванов-Разумник не слишком гипертрофировал понимание Николаем I обязанности человека перед монархом, когда писал, что «человека и гражданина эта теория стремилась обуздать, особенно после 14 декабря 1825 года; вследствие этого и каждой отдельной личности предписано было дышать и думать только так, как это указано циркулярно» [5, с. 189].

Суть официального мещанства, не признающего индивидуальности личности, Иванов-Разумник трактовал как «стремление поставить всех в одну шеренгу, выкрасить в общий серый цвет, обстричь под одинаковый уровень; поэтому для теории этой не столько характерен ее резкий антииндивидуализм, сколько узкое и плоское мещанство» [5, с. 189–190]. Иванов-Разумник дал свое название официальной идеологии николаевского царствования, исходя из ее цели задать определенный безличностный стандарт, которому должен соответствовать каждый человек в государстве, – «теория, система официального мещанства», а это время он рассматривал как «эпоху официального мещанства» [5, с. 190]. Основателем этой системы Иванов-Разумник считал императора Павла I, а чиновником, ее насаждавшим, – Аракчеева.

Мнение Иванова-Разумника о государственной политике выстраивания подданных в одну шеренгу основывалось на конкретных фактах. Согласно запискам М. Глинки, писатель Кукольник, усвоивший идеи Уварова, с гордостью восклицал: «Прикажут – и завтра же буду акушером!» [5, с. 190–191]. На записку Пушкина о воспитании юношества А. Х. Бенкендорф отреагировал резолюцией: «Принятое вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенству, есть правило, опасное для общего спокойствия... Нравственность, прилежное служение, усердие предпочтительно должно...» [5, с. 191]. Бенкендорф, приближенное к царю лицо, его близкий доверенный друг, начальник III отделения, знал предпочтения императора, его идеологические установки. Если он утверждал, что гений не нужен, индивидуальность излишня, а от подданного требуется одно усердие,

то это соответствовало представлениям Николая I о главной добродетели человека, делал вывод Иванов-Разумник. Самодержцу были нужны люди не просвещенные, а усердные. «... усердие предпочиталось просвещению», заключал Иванов-Разумник [5, с. 191]. Специфика государственного регулирования в эпоху Николая I заключалась в определении модели личности, которой должны соответствовать поданные. Ее основные черты – усердие, преданность, прилежное служение.

По мысли Иванова-Разумника, государственная опека над индивидуальностью осуществлялась с 1826 г. «регулярно и неукоснительно» «без всяких послаблений и упущений», она распространялась и «на частную жизнь всех и каждого» [5, с. 192]. Официальное мещанство проявилось в создании стандарта поведения и требования ему следовать: «Все, решительно все будет урегулировано, занумеровано, одето в узкий мундир, подчинено определенному общему шаблону, убивающему всякое проявление индивидуальности» [5, с. 192].

Историк обратил внимание на формирование в николаевское время культа службы в государственном учреждении и в армии. А. С. Пушкин писал, что чины сделались страстью русского народа. А. С. Грибоедов от имени своего героя Чацкого восклицал «Мундир, один мундир!», отмечая интерес дворян к службе, дающей чины, положение в обществе. Мысль А. С. Грибоедова об обезличивании человека в мундире, обязывающего вести себя в соответствии с определенным стандартом, стирающего личность, нам представляется глубокой характеристикой ментальности бюрократии. Мундир – форма без содержания, нивелирующая его носителей. Он был своеобразной социальной презентацией человека в обществе, для которого был важен чин, а не индивидуальность.

Слова Грибоедова «Мундир, один мундир!» Иванов-Разумник поставил эпиграфом к теории официального мещанства, потому что «только одна бюрократия и военщина считались достойной образованного человека, только в государственной службе была истина: мундир стягивал все, всему была предписана своя форма» [5, с. 192]. В качестве достоверного свидетельства повального увлечения петербуржцев мундирами Иванов-Разумник считал наблюдение Герцена за поведением жителей столицы, гулявших по Невскому проспекту в одинаковых сюртуках, похожих на мундиры чиновников [5, с. 192].

«Мундир и единообразие – это страсть мещанства у власти», – так коротко выразил сущность официальной политики по отношению к человеку Иванов-Разумник, воспроизведя в то же время мысль Герцена.

Иванов-Разумник воспринял оценки Герценом отношения николаевского государства к личности. Герцен, с 1834 г. по 1846 г. находившийся сначала в тюрьме, а затем в ссылках за инакомыслие, остро переживал свою зависимость от власти. В дневниках он писал, как ему, «назначенному... для трибуны, форума», было невыносимо тяжело жить с кляпом во рту, не имея права на свободную речь. Герцен не испытывал симпатий к «барству, чиновничеству», не желал протянуть им руки, да и те не хотели протягивать руки мыслящим людям и смотрели на них как на безумных [4, с. 214]. Полицейский надзор за Герценом был платой за то, что он осмелился стать выше толпы. Он переживал несвободу как «совершенную утрату жизни», опасаясь, что подломится плечи «под тяжестью креста» [4, с. 216].

А. И. Герцену принадлежит наиболее резкая критика российского правительства и бюрократии. Защищая право человека на свободу, достоинство личности, он осуждал политический режим в России, обрекавший его на рабское молчание. В критическом поле его мысли были такие явления, как всемогущество денег («деньги у нас всемогущи» [4, с. 205]), взяточничество («самодержавие, ограниченное взятками» [4, с. 205]), бесправие человека, произвол чиновников.

Герценовский образ «прекрасной высокой жизни» включал в себя идеи внутреннего просветления, жизни в соответствии с представлением о «величайшей истине», а также мысль о «симпатическом круге людей», «умственной, артистической деятельности и свободе» [4, с. 211–212]. Свобода необходима человеку для «разумно-нравственного бытия», все нужно «провести сквозь горнило сознания» [4, с. 219]. «Я верю в индивидуальность», – писал Герцен в дневнике в 1842 г. [4, с. 218].

Административно-полицейский контроль для Герцена в сороковые годы был невыносим, поскольку он означал схоронить себя как личность, подавить свои потребности, приучить себя к немоте, вести жизнь пустоты и роскоши. Этот образ жизни возможен лишь для человека с «плоским духом» [4, с. 204]. Оценивая свое положение в период новгородской ссылки (1842), он писал в дневнике, что у него нет никаких прав, никакой силы [4, с. 206]. Это состояние «больно, унижительно, оскорбительно и существенно убийственно, если взять в расчет время» [4, с. 213]. Герцен задавался вопросом, а нужна ли его индивидуальность «для чего бы то ни было»? Что делать человеку, если он «не может покориться обстоятельствам, как бы они скверны ни были, с гордым сознанием правоты» [4, с. 206]? Отказ от мечты о «светлой, прекрасной жизни» для Герцена значил смирение со «спокойной пустотой, тупой болью и пассивной бездеятельностью» [4, с. 213].

А. И. Герцен дал оценку государственной установки по отношению к человеку в период правления Николая I: власти не нужна личность. Люди же мало интересуются наукой, искусством, политикой. В малокультурности даже высших социальных слоев, «отсутствии всяких общих интересов» Герцен видел самобытность общества в прошлом и настоящем. По мнению Герцена, николаевское правление, как минимум, ограничивало свободу самореализации творческой личности в России, а максимум, не учитывало интересы широко развитых людей, не признавая за ними права на индивидуальность.

А. И. Герцен и Иванов-Разумник осмысливали правительственную политику по отношению к человеку в контексте этического индивидуализма, утверждавшего ценность личности, уважение ее достоинства.

Согласно характеристике Иванова-Разумника, весь период правления Николая I – время господства системы официального мещанства, царившей полновластно и последовательно, неукоснительно ступившей на все резкие цвета, сглаживавшей «все индивидуальности под один общий шаблон» [5, с. 194]. В период «мрачного семилетия» 1848 – 1855 гг. «давление сразу и внезапно усилилось настолько, что, очевидно, не могло продолжаться слишком долго; в беспросветном мраке чувствовалось приближение света, но, чтобы дожидаться его, надо было пережить семь черных, тяжелых лет» [5, с. 194]. Это интерпретация последнего семилетия царствования Николая I дана Ивановым-Разумником в соответствии с единодушным восприятием политики тех лет западниками и славянофилам – представителями русской интеллигенции, независимых по образу мыслей, на себе ощутивших административно-полицейский контроль. Иванов-Разумник, изучавший взгляд интеллигенции на условия жизни человека в России, усвоил ее аксиологический подход к оценке правительственной политики – признание права человека на свободу мнений и свое достоинство.

Государственная система в России во второй четверти XIX века была настолько стабильна, что горстка независимо мыслящей интеллигенции не могла ее сломать или хотя бы поколебать, поэтому, делал вывод Иванов-Разумник, правительственный террор на рубеже 1840–1850-х гг. по отношению к культурной элите не был оправдан. Жестокое преследование петрашевцев, считал Иванов-Разумник, «явилось... одним из бесцельных проявлений террора эпохи официального мещанства» [5, с. 194]. Иванов-Разумник не только изучил мнения современников о «мрачном семилетии», но и правительственные постановления этого периода, вводившие ограничительные меры, цель которых – «немедленно оградиться китайской стеной от Запада». В

1848 г. ограничили право служащих Министерства народного просвещения ездить в командировки за границу, усугубили «надзор по воспитанию в учебных заведениях», расширив обязанности надзирателей по контролю за поведением учащихся вплоть до посещения квартир, в которых они жили, запрета ходить в гости. «Такая регламентация исключительна даже для эпохи официального мещанства». В атмосфере жесткого контроля за умами людей рождались проекты создания «академии шпионства», системы обыска частных библиотек по всей стране. Эти предложения были столь одиозными, что даже правительство их отклонило, записал в своих воспоминаниях П. В. Анненков [5, с. 194–195]. Иванов-Разумник связывал применение исключительных мер не только с революционными событиями 1848 г., но и с тенденцией эволюции самой системы официального мещанства, еще ранее тяготевшей к централизованной всесторонней опеке. Николаевскую систему регламентации жизни людей Иванов-Разумник оценивал как возврат к павловской политике жесткого контроля над жизнью людей в стране. Николай I предпринял попытку даже запретить дворянам ношение бороды. «Все было регламентировано и подведено под шаблон; костюм, борода, усы подвергались циркулярным предписаниям» [5, с. 198]. По оценке Иванова-Разумника, результатами системы официального мещанства было «полное подавление инициативы, индивидуальности и пышный расцвет бюрократизма, канцелярщины, бумагопроизводства» [5, с. 198].

Ограничение свободы мысли проявилось и в ужесточении цензуры. Один из организаторов этой системы С. С. Уваров, министр народного просвещения, пожелал, «чтобы, наконец, русская литература прекратилась» [5, с. 197–198]. Иван Киреевский, один из идеологов славянофильства, связывал создание условий для развития русской литературы с изменением режима, а при Николае I, считал он, русская литература будет убита на несколько лет. Если этого и не произошло, комментирует его мнение Иванов-Разумник, то благодаря творчеству независимой интеллигенции. Содержание указа цензорам, какие сведения они не должны пропустить в печать, воспроизвел в своих дневниках А. В. Никитенко. Иванов-Разумник, внимательно прочитавший тексты этого автора, так оценил их информативные возможности изучения цензурной политики: «Мы не будем останавливаться на крайне интересных фактах из истории цензуры 1825–1855 годов; обширные залежи их читатель найдет в “Дневнике” Никитенко, в воспоминаниях и переписке литературных деятелей той эпохи» [5, с. 197]. Что же писал А. В. Никитенко о цензурных ограничениях тех лет? Возмущенный указанием на изъятие из исторических текстов имен лиц, боровшихся за свободу и

исповедовавших республиканские идеи, он сообщил о том, что из сочинения С. М. Соловьева, признанного «благонамеренным и безвредным», вырезали факты о восстании Болотникова, а из трудов по древней истории убрали все напоминания о народном представительстве. Запись Никитенко в дневнике: «12 февраля 1849 года. Я заходил в цензурный комитет. Чудные дела делаются там. Например, цензор Мехелин вымарывает из древней истории имена всех великих людей, которые сражались за свободу отечества или были республиканского образа мыслей, – в республиках Греции и Рима. Вымарываются не рассуждения, а просто имена и факты. Такой ужас навел на цензоров Бутурлин с братьями, то есть с Корфом и Дегаем» [6]. Ограничение печатного слова, считал Никитенко, неэффективно, поскольку ученые будут развивать свои идеи в устной форме, примешивая «желчь раздражения и негодования, которую в печати сдерживают и цензура и приличие». Правительству следовало бы перейти от «пошлой политики угрозы и угнетения» к определению «направления».

По мнению А. В. Никитенко, власть должна заботиться о том, чтобы не вызывать у мыслящих людей, имевших авторитет в обществе, влиявших на его умонастроение, чувства негодования в связи с правительственными гонениями. Никитенко развивал мысль о возможности создания общего поля деятельности государства и интеллектуалов, следует поощрять честных талантливых ученых, а не относиться к ним как «вредным», поскольку мыслят независимо: «Что ж это такое в самом деле? Крестовый поход против науки? Слепцы, они не видят, что, отнимая у идей, то есть у идей науки, способ идти вперед путем печати, они наталкивают их на путь изустных сообщений. А этот гораздо опаснее, ибо тут невольно примешивается желчь раздражения и негодования, которую в печати сдерживают и цензура и приличие. Пора бы, кажется, переменить пошлую политику угрозы и угнетения на политику направляющую. Но для этого потребовался бы ум не бутурлинский. Ведь в настоящем случае вызывается недовольство не в мальчиках-писунах, не в журнальных борзописцах, а в людях солидных, с дарованиями и с прошлым, людях с серьезным образом мыслей, которые уже действовали на общество и оказали важные услуги и образованию нашему и языку. Следовало бы по крайней мере хоть отличать тех от этих и уж если укрощать одних, когда они врут, то поощрять других. Но здесь все под одну шапку: вы все люди вредные, потому что мыслите и печатаете свои мысли» [6]. В трактовке Никитенко правительственной политики по отношению к ученым и литераторам акцент сделан на *неприятие властью независимости мысли*.

В текстах дневника А. В. Никитенко есть информация о структуре цензурных комитетов в России с 1848 г.: «Учреждено новое цензурное ведомство для учебных и всяких относящихся к учению и воспитанию книг. Это комитет, состоящий из директоров здешних гимназий, из инспектора казенных училищ, под председательством директора Педагогического института. Итак, вот сколько у нас ныне цензур: общая при министерстве народного просвещения, главное управление цензуры, верховный негласный комитет, духовная цензура, военная, цензура при министерстве иностранных дел, театральная при министерстве императорского двора, газетная при почтовом департаменте, цензура при III отделении собственной его величества канцелярии и новая, педагогическая. Итого: десять цензурных ведомств. Если сосчитать всех лиц, заведующих цензурою, их окажется больше, чем книг, печатаемых в течение года. Я ошибся: больше. Еще цензура по части сочинений юридических при II отделении собственной канцелярии и цензура иностранных книг, – всего двенадцать» [6]. Риторика Никитенко свидетельствует о его негативной оценке создания в стране многоуровневой системы цензуры, под контроль которой была поставлена вся публичная культурная жизнь общества.

Анализ дискурса А. В. Никитенко позволяет определить его социальные и духовные ценности: честь, достоинство человека, независимая мысль, преданность науке, искренний интерес к искусству, правопорядок [6]. Его мировоззренческая система была индивидуалистической, персонцентристской. Порядочность и признание права личности на самостоятельный выбор жизненных ориентиров – основы нравственной позиции Никитенко. Его свидетельства о целях и направлении правительственной политики – значимая оценка независимыми интеллектуалами смысла официальной идеологии и практики.

Доказывая, что система официального мещанства охватывала все сферы интеллектуальной деятельности людей и ограничивала информационное пространство в России, Иванов-Разумник привел сведения из дневника Никитенко о внесении изменений в программу высшего образования. В университетах времени «мрачного семилетия», по требованию нового министра народного просвещения Ширинского-Шихматова, запретили преподавание теории познания, метафизики, этики, как «несоответствующие видам правительства» (министр заявил, что «польза философии не доказана, а вред от нее возможен»), в 1850 г. курс философии был ограничен логикой, преподавание которой было поручено священникам [6].

Обращение Иванова-Разумника к дневнику А. В. Никитенко как источнику о правительственной политике в сфере образования и культуры – признание, во-первых, его информативных возможностей, во-вторых, достоверности приведенных автором фактов. А. В. Никитенко, обладавший репутацией здравомыслящего цензора, будучи начитанным человеком, имея обширные связи в министерских и общественных кругах, зная многих представителей культурной элиты, посещая салоны, в своем дневнике фиксировал свои встречи с разными людьми, темы разговоров, рассказывал о столичной жизни, комментировал издаваемые законодательные акты, воспроизводил мнения лиц о происходящих событиях. Фактически его дневник позволяет судить о круге интересов, системе ценностей самого автора и того социокультурного слоя, представителем которого он был. Обширная информация о правительственной политике и ее интерпретация – несомненные достоинства дневника А. В. Никитенко как исторического источника о законодательных мерах власти и их трактовке просвещенным обществом, а также его настроении и ожиданиях, о гражданской позиции отдельных лиц, социальной культуре образованной элиты.

Сравнительный анализ текстов Никитенко и Иванова-Разумника дал возможность оценить исследовательские навыки историка, его культуру работы с источниками. По теме «правительственная политика в области образования и культуры» Иванов-Разумник из текста Никитенко сделал выборку сведений о наиболее значимых и резонансных мероприятиях власти времени «мрачного семилетия». Историк был точен в воспроизведении мысли автора дневника.

Можно дополнить характеристику официального мещанства сведениями их записей Никитенко, подтверждающих общую оценку Ивановым-Разумником этой политики. А. В. Никитенко воспроизвел представление порядочных образованных людей о свободе мысли и социального поведения [6]. Просвещенные люди в России, к которым он относил и себя, желали, чтобы власть уважала общественное мнение, хотя бы в некоторых ситуациях, имеющих локальный характер, не меняющих принципы функционирования существующей системы. Введение в действие нового положения о чиновниках в декабре 1850 г. у Никитенко вызвало возмущение, поскольку оно, предоставляя право начальнику увольнять подчиненного за «неблагонадежность», даже если она только подразумевалась, ставило нижестоящих служащих в полную зависимость от высших покровителей [6].

Из письма Т. Н. Грановского А. И. Герцену 1850 г. Иванов-Разумник воспроизвел строки, доказывавшие отношение мыслящих людей к правительственной политике как неразумной, ограничи-

вавшей свободу личности: «Положение наше становится нестерпимее день ото дня, всякое движение на Западе отзывается у нас стеснительной мерой. Доносы идут тысячами... Священнику предписано внушать кадетам, что величие Христа заключалось преимущественно в покорности властям. Он выставляется образцом подчинения и дисциплины... Есть с чего сойти с ума...» [5, с. 199].

В записках декабриста барона А. Е. Розена Иванов-Разумник нашел запись, свидетельствующую об укорененности в ментальности бюрократии представления о необходимости чиновничества. Розен считал нужным сохранить для потомков слова представителя николаевской бюрократии Я. Ростовцева о ненужности морали на службе, где нормы поведения задает начальник: «*Совесть* нужна человеку в частном, домашнем быту, а на службе и в гражданских отношениях ее заменяет *высшее начальство*» [5, с. 199].

Обращение к сочинению Миллера-Красовского «Основные законы воспитания» 1859 года издания позволило Иванову-Разумнику реконструировать основное правило поведения чиновника на службе, усвоенное бюрократией в николаевское правление: «Не рассуждай, а исполняй!» [5, с. 200]. Подтверждением значимости этой чиновничьей заповеди для успешной карьеры являлись слова самого императора, писал Иванов-Разумник. Он воспроизвел резолюцию Николая I на докладе министра Уварова: «Должно повиноваться, а рассуждения свои держать про себя» [5, с. 200]. Иванову-Разумнику было значимо и мнение литераторов, издателей об официальной установке «Не рассуждать, а повиноваться!». Он процитировал строки из написанной в 1866–1867 гг. Н. А. Некрасовым комедии «Медвежья охота»:

«Великий век – великих мер!
“Не рассуждать – повиноваться!”
Девиз был общий...!» [5, с. 200].

Введенная властью норма социального поведения «Не рассуждай, а исполняй!» Ивановым-Разумником трактовалась как «лейтмотив всей эпохи официального мещанства», «барско-лакейская психология» [5, с. 200]. Она стала главным кредо николаевской бюрократии, воспитанной в духе подчинения императору, девизом власти.

Приведя аргументы, доказывавшие адекватность осмысления им политики монархии по отношению к личности, Иванов-Разумник оценил официальную идеологию как «стройную и тяжелую систему», целью которой было «навсегда убить индивидуальность, обезличить человека, втиснуть его в узкие рамки мещанства и в мундир формализма» [5, с. 200].

Нормы официального мещанства выражены в афоризмах Козьмы Пруtkова, литературного персонажа графа А. Толстого и братьев Жемчужниковых, утверждал Иванов-Разумник. По его мнению, Козьма Пруtkов, «чуткий мыслитель», «придворный философ», стал глашатаем правил поведения, устанавливаемых властью, явил собою тип личности, востребованный официальной идеологией. Отмечая, что власть предложила обществу свой модальный тип личности, Иванов-Разумник писал: «...Козьма Пруtkов был типичным продуктом эпохи официального мещанства, – и в этом вся причина его неумирающего интереса и значения. Его знаменитое качество – колоссальнейшая наивность – помогло ему, ничтоже сумняся, фиксировать в своих произведениях такие черты той эпохи, которые на живом примере позволяют нам судить о той поре. Козьма Пруtkов – типичный и неизбежный результат той эпохи, разрез пласта, по которому легче всего изучать исторические наслоения целого периода русской жизни и литературы» [5, с. 203]. Суть официального мещанства, считал Иванов-Разумник, выражена в афоризмах Козьмы Пруtkова «Усердие все превозмогает!», «Только на государственной службе познаешь истину», «Усердный на службе не должен бояться своего незнания, ибо каждое новое дело он прочтет...» [5, с. 203]. Логику официального мещанства Иванов-Разумник видел в подчинении личности требованиям власти, превращении человека в одно из звеньев бюрократии, где не должно иметь своего мнения. Единомыслие, чиновничество, уважение к мундиру, безличность – главные качества, которые должен усвоить человек эпохи официального мещанства, утверждал Иванов-Разумник. Все российские подданные должны быть носителями официально провозглашенных и одобряемых обществом ценностей. Эту установку «не рассуждать – повиноваться» озвучил Козьма Пруtkов: «Многие люди подобны колбасам: чем их начинят, то и носят в себе» [5, с. 206].

«Козьма Пруtkов явился типичнейшим представителем своей эпохи» [5, с. 205], – заключал анализ его афоризмов историк, выявлявший проповедуемые этим персонажем принципы успешной, одобряемой властью жизни маленького человека, называя их «философией казенных пошлостей» [5, с. 206].

Каковы были последствия утверждения системы официального мещанства, достигла ли она своей цели? Эта проблема, поставленная Ивановым-Разумником, раскрывалась им в нескольких направлениях: влияние на психологию и менталитет чиновников, изменение условий деятельности культурной элиты, воздействие на культуру дворянского общества. Во временном пространстве действие официального мещанства было ограни-

чено эпохой царствования Николая I, считал Иванов-Разумник. Эта система могла временно обезличить человека, «не давая ему возможности двигаться и дышать» [5, с. 200]. Однако, выражал он уверенность, со временем официальное мещанство должно было потерпеть «самое жестокое фиаско», поскольку «нельзя вытравить личность, нельзя одеть всех в мещанский мундир». Соглашаясь с мыслью Иванова-Разумника, поясняем, что потребность человека в оригинальном проявлении своего «Я» неискоренима.

Последствия утверждения этой системы можно проследить и в таких аспектах, писал историк, как положительное или отрицательное ее восприятие. Поколение людей, живших в эпоху Николая I, впитало в себя идеалы мещанства, прежде всего, его установки были усвоены служилым дворянством. Официальное мещанство погубило поколение «лишних людей» – «лучших людей своего времени», не сумевших реализовать свои способности в российских условиях. По мысли князя Волконского, в то время в России не было общества, а было одно народонаселение [5, с. 271].

Подчеркивая значимость мысли Иванова-Разумника о духовной гибели целого поколения людей, в то же время отмечаем, что вряд ли стоит эту оценку заканчивать словами: «Но – и только...» [5, с. 200]. Правда, через несколько строк историк писал, что «результаты эпохи официального мещанства были громадны как в прямом, так и в обратном направлении: прямые – те, которые звучали в унисон с самой системой; обратные результаты те, которые резко противоречили ей» [5, с. 201].

Прямые результаты – восприятие заповедей мещанства поколением 30–40-х гг. – Иванов-Разумник считал менее важными, чем обратные – противостояние духовно независимой интеллигенции официальной идеологии. Его мысль о том, что официальное мещанство смогло «пустить прочные корни» [5, с. 205] в общественном сознании, свидетельствует о понимании историком усвоения многими людьми социально-нравственных норм, вводимых властью. Следовательно, усиливались различия в культуре интеллигенции и массы дворянства, особенно служилого. Кроме того, как писал сам Иванов-Разумник, в мещанской среде началось формирование нового поколения. Характеризуя усвоение людьми мещанской морали и жизненных ориентиров, Иванов-Разумник признавал, что «эта убивающая личность» эпоха официального мещанства «кроила людей по своему шаблону» [5, с. 232]. С нашей точки зрения, углубление культурного раскола общества – очевидный результат одобрения властью «нивелирования» людей, с одной стороны, и с другой – противодействия этой политике обезличивания человека независимых интеллектуалов.

Полагаем, что историк все же не вполне верно в данном случае трактует значимость исторического контекста деятельности интеллигенции в николаевскую эпоху. Он считал, что отказ интеллигенции благосклонно принять кредо мещанства побудил ее четко обозначить этический код своего индивидуализма. Иными словами, мировоззренческая система русской интеллигенции в эпоху правления Николая I формировалась как протестная. Яркий индивидуализм Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Белинского, Герцена, Бакунина определился в обстоятельствах необходимости заявить о неприятии мещанства во всех его проявлениях. Иванов-Разумник писал об этом следующее: «...нам важно отметить, что, “претерпев все удары судьбы”, русская интеллигенция не угасла духом, но, наоборот, окрепла и возмужала, расцвела пышным цветом именно в эту страшную эпоху второй четверти XIX века. Чем сильнее было давление мещанства, тем резче было противодействие индивидуализма...» [5, с. 201]. Однако Иванов-Разумник сам же отметил, что Пушкин и Лермонтов « всю свою жизнь с ужасом отчаяния боролись с мещанством », защищая права личности, и погибли. Называя социально-политические обстоятельства жизни людей «внешними формами» их деятельности, Иванов-Разумник все же писал об «отрицательном значении этой эпохи». Следует добавить, что социокультурная среда эпохи, зараженная мещанством, отвергалась интеллигенцией, вынужденной создавать свое культурное пространство, свои сообщества людей, близких по своим мировоззренческим принципам.

Идея Иванова-Разумника о противостоянии государства и интеллигенции как важнейшем условии выработки ею своей нравственной позиции и социальных идеалов нам кажется явным преувеличением значения отрицательных обстоятельств, характеризуемым им самим как «невыносимый режим» [5, с. 201]. Исторический контекст может быть благоприятным или неблагоприятным. В благоприятных условиях результаты деятельности культурной элиты, с нашей точки зрения, должны быть более значимыми. Если принять во внимание цель ее творчества (самовыражение, создание и передача ценностей, идей, идеалов, образов, картины мира, концепций), то представителям науки и культуры нужны хорошие условия жизни. Содержание и формы интеллектуальной и художественной деятельности людей определялись в николаевское время не только и не столько политическим режимом и официальной идеологией, сколько внутренними факторами развития культуры. Анализ формирования «Я-концепции» представителями русской интеллигенции убеждает в первостепенной значимости для их становления социокультурного контекста: существование сообществ высоко-

культурных нравственных людей, широкого идейно-информационного пространства, свободы личности. Если в условиях административно-полицейской опеки интеллектуалы остались верны своим убеждениям и не изменили своему призванию, то в более благоприятных жизненных ситуациях они смогли бы шире заниматься творчеством культуры. Белинский в письме сестрам Александре и Татьяне Бакуниным 8 марта 1843 г. писал, что у него всегда была «глубокая жажда, мучительный голод умственной деятельности и есть способность к ней, но не было для нее ни пищи, ни почвы, ни сферы. (...) Дайте такому человеку сферу свойственной его способностям деятельности – и он переродится, будет мужчиною и человеком, но эта сфера... да вы понимаете, что ее негде взять» [2, с. 538]. Белинский жаловался на невозможность реализовать жажду разумной деятельности.

А. И. Герцен всегда характеризовал исторический контекст жизни людей в николаевскую эпоху как губительный, он отмечал, что наиболее духовно сильные люди сохраняли свой внутренний мир, но многие были нравственно искалечены, смирились с предлагаемыми обстоятельствами, равнодушно созерцая происходящее, не имея сил противостоять произволу, хамству, многочисленным запретам, ограничениям деятельности. Наиболее известная характеристика Герценом разрушительного влияния на жизнь людей системы официального контроля была дана им в «Былом и думах»: «Быстро на нашем севере дикое самовластие изнашивает людей. Я с внутренней боязнью осматриваюсь назад, точно на поле сражения – мертвые да изуродованные...» [3, с. 118].

Идеал мещанства был близок массе русского дворянства, считал сам Иванов-Разумник, основывая свое суждение на текстах Гоголя и Гончарова. Пошлость и бессмысленность мещанской жизни, состоящей из череды сплетен, бесконечных разговоров о незначимом, вызвала у интеллектуалов смертельную скуку, тоску от беспросветности мещанства. «Сам Гоголь рассказывает, что когда он читал Пушкину “Мертвые души”, то жизнерадостный, веселый Пушкин “начал становиться все сумрачнее, сумрачнее и наконец сделался совершенно мрачен. Когда же чтение кончилось, он произнес голосом тоски: “Боже, как грустна наша Россия!” Гоголь объяснял это чудовищностью, карикатурностью своих типов...» [5, с. 213]. Отчуждение интеллектуалов от светского и провинциального общества, называемого Пушкиным «толпой», «чернью», – позиция культурной элиты, стремившейся сохранить свое право на независимость, индивидуальность своей духовной культуры. Безысходное мещанство вызывало у деятелей русской культуры пессимизм, тоску.

Русская интеллигенция восприняла официальную идеологию, навязывавшую мещанские идеалы и образы, как чуждое ей мировоззрение, утверждал Иванов-Разумник: «...идейное, прямое влияние эпохи официального мещанства на русскую интеллигенцию и русскую литературу было ничтожно. (...) Вообще русская интеллигенция реагировала только отрицательно на все проявления эпохи официального мещанства...» [5, с. 202]. Эта мысль историка находит подтверждение в текстах русских интеллектуалов, свидетельствующих о неприятии ими государственной политики контроля за умами людей, идеологии, формирующей рабскую психологию подданного Его Величества. Осуждением бюрократической мещанской России стали произведения Гоголя – «Ревизор», «Шинель», «Мертвые души» и др.

Итак, трактовка Ивановым-Разумником официального мещанства нам представляется удачной, поскольку она выявляла правила социального поведения человека, заданные ему властью, отмечала стремление правительства навязать индивиду свои стандарты жизни. Интерпретация идеологических мер государства дана с ясно обозначенных аксиологических позиций – признания права человека на свободу самореализации, уважение достоинства личности. Система ценностей Иванова-Разумника имела те же базовые элементы, что и нравственная парадигма независимой интеллигенции 20–50 годов девятнадцатого столетия. Общность базовых элементов культурного кода интеллигенции 30–50-х годов XIX столетия и Иванова-Разумника обусловила восприятие историком ряда социально-политических идей интеллектуалов николаевской эпохи, схожесть их трактовок политических условий жизнедеятельности духовной элиты.

Осмысление идеологической политики государства в николаевскую эпоху дано Ивановым-Разумником в контексте созданных культурной элитой традиций критики режима, препятствовавшего свободной самореализации личности в духовной сфере. Тексты интеллектуалов Иванов-Разумник оценивал и как исторический источник, и как значимую для него интерпретацию социокультурной политики государства. Совпадение ракурсов трактовки официальной идеологии историком и интеллектуалами, жившими в николаевскую эпоху, обусловленное общностью взглядов на развитие личности, определило схожесть их взглядов на теорию официальной народности. Но Иванов-Разумник был самостоятелен, определяя свое проблемное поле и материал исследования, создавая свою концепцию влияния идеологических установок власти на деятельность культурной элиты и жизнь общества. Историк следовал своей исследовательской парадигме, четко определяя цель, структуру исследования, базу

аргументов, осмысливая изучаемое явление, его последствия.

Иванов-Разумник точен в реконструкции целей политики монархии по отношению к подданным, поскольку он основывал ее оценку на круге разнообразных по происхождению источников: высказываниях и резолюциях императора и представителей высшей бюрократии, текстах законодательных актов, дневниках, воспоминаниях, сочинениях современников, принадлежавших к различным социокультурным группам. Фактически Иванов-Разумник, характеризуя меры воздействия власти на личность, применил *принцип жанрового многообразия используемых текстов*, выявляя общее их содержание, позволяющее интерпретировать позицию императора и его окружения по вопросу об обязанностях человека.

Влияние официального мещанства на общество Иванов-Разумник оценивал как воспитание его в узких рамках «не рассуждать – повиноваться». В трактовке Иванова-Разумника, идеал социального поведения подданного, согласно государственной идеологии, – покорность, смирение, отсутствие личности, беспрекословное повиновение. Этот стереотип социальных действий соответствовал цели государства: подчинение человека власти. Официальную идеологию Иванов-Разумник идентифицировал как антииндивидуализм. Человек в системе координат высшей николаевской бюрократии был средством, а не целью политики. Суть официального мещанства заключалась в непризнании личности как самоцели. Следствием идеологического воздействия власти на людей стал расцвет мещанства в различных его проявлениях. Термин *официальное мещанство* был введен Ивановым-Разумником. По его мысли, официальное мещанство – определение теорией официальной народностью стандартов жизни подданного, стиля его отношения к монархической власти, требований к человеку, а вернее заявление о ненужности ярких самобытных личностей императору.

Символом мещанского идеала образа жизни, определенного официальной идеологией, по мнению Иванова-Разумника, стал мундир, обезличивающий человека, но свидетельствующий о его принадлежности к чиновничьей корпорации и следовании его носителем всем требуемым нормам. Мундир убивал проявления индивидуальности, вводя шаблон поведения на службе. Мундир формализовал человеческие отношения в соответствии с определенными стандартами, введенными высшим начальством, свидетельствовал о социальной иерархии.

Проблемное поле исследования Ивановым-Разумником официального мещанства включало вопросы о сущности этой идеологии, времени ее утверждения, эволюции, характере политического

режима, системе идеологического и административного контроля над обществом, отношении интеллигенции к правительственной политике, последствия насаждения государством идеала мещанства. Период максимального утверждения официального мещанства – последние семь лет правления Николая I, когда во всех сферах культурной жизни общества были установлены определенные ограничения.

Конец эпохи официального мещанства Иванов-Разумник связывал со смертью императора Николая I, по заказу которого правящая бюрократия разработала систему социальных идей и ценностей, обязательных для восприятия и воспроизведения всеми российскими подданными. Она выработала меры административного контроля с целью регламентировать жизнь частных лиц, внедрения в их сознание мысли о служении государю как главной цели их деятельности.

Иванов-Разумник раскрыл социальную составляющую теории официальной народности, интерпретировав ее на основе достоверных источников, исходящих и из правительственных кругов, и из среды интеллигенции. Он выявил противоречия между транслируемыми государством предписаниями и ожиданиями российских интеллектуалов, дал анализ политического контекста жизнотворчества культурной элиты.

Библиографический список

1. Ахиезер, А. С. Специфика российской политической культуры и предмет политологии (Историко-культурное исследование) [Текст] / А. С. Ахиезер // Pro et contra. – 2002. – № 3. – С. 51.
2. Белинский, В. Г. Письмо А. А. и Т. А. Бакуниным. 8 марта 1843. [Текст] / В. Г. Белинский // Белинский В. Г. Собрание сочинений: в 9 т. – М.: Художественная литература, 1976–1982. – Т. 9. – С. 537–543.

3. Герцен, А. И. Былое и думы: в 3 т. [Текст] / А. И. Герцен. – М.: Художественная литература, 1973. – Т. 2.

4. Герцен, А. И. Дневник [Текст] / А. И. Герцен // Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. – М., 1954. – Т. 2. – С. 199–416.

5. Иванов-Разумник. История русской общественной мысли [Текст] / Иванов-Разумник: в 3 т. – М.: Республика; ТЕРРА, 1997. – Т. 1.

6. Никитенко, А. В. Дневник [Электронный ресурс] / А. В. Никитенко. – Режим доступа: http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml.

7. Сабурова, Т. А. Взаимоотношения интеллигенции и власти в России во второй половине XIX века: опыт моделирования [Электронный ресурс] / Т. А. Сабурова. – Режим доступа: http://www.ihist.uran.ru/uiiv/n10_11/272.html.

Bibliograficheskiy spisok

1. Akhiezer, A. S. Spetsifika rossijskoj politicheskoj kul'tury i predmet politologii (Istoriko-kul'turnoe issledovanie) [Tekst] / A. S. Akhiezer // Pro et contra. – 2002. – № 3. – S. 51.

2. Belinskij, V. G. Pis'mo A. A. i T. A. Bakuninym. 8 marta 1843. [Tekst] / V. G. Belinskij // Belinskij V. G. Sobra-nie sochinenij: v 9 t. – M.: KHudozhestvennaya literatura, 1976–1982. – T. 9. – S. 537–543.

3. Gertsen, A. I. Byloe i dумы: v 3 t. [Tekst] / A. I. Gertsen. – M.: KHudozhestvennaya literatura, 1973. – T. 2.

4. Gertsen, A. I. Dnevnik [Tekst] / A. I. Gertsen // Gertsen A. I. Sobra-nie sochinenij: v 30 t. – M., 1954. – T. 2. – S. 199–416.

5. Ivanov-Razumnik. Istoriya russkoj obshhestvennoj mysli [Tekst] / Ivanov-Razumnik: v 3 t. – M.: Respublika; TERRA, 1997. – T. 1.

6. Nikitenko, A. V. Dnevnik [Tekst] / A. V. Nikitenko // http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml.

7. Saburova, T. A. Vzaimootnosheniya intelligentsii i vlasti v Rossii vo vtoroj polovine XIX veka: opyt modelirovaniya [Tekst] / T. A. Saburova // http://www.ihist.uran.ru/uiiv/n10_11/272.html.